18+

ЭРНСТ ВОЛКОВ

СТЕПНОЕ НЕБО

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Эрнст Волков

Степное небо

«Издательские решения»

Волков Э.

Степное небо / Э. Волков — «Издательские решения»,

В октябре город искал убийцу. Убийца искал живую душу.Семь минут на столик, звон колокольчика, бейджи с чужими именами — так начинается этот вечер. За семь минут невозможно узнать человека; так думает герой повести, человек негромкий, вежливый, всю жизнь разбиравший чужие письма и дневники. Он уверен, что знает людей насквозь. Он увидит одну — и впервые в жизни ошибётся.Психологическая проза о тихом несчастье, о жалости, которая стала судом, и о правде, которую нельзя остановить на пике.

© Волков Э.
© Издательские решения

Содержание

СТЕПНОЕ НЕБО 6
ЧАСТЬ I. ЯРМАРКА ОДИНОЧЕСТВА 7
Глава 2. Осколки большого города 8
Глава 3. Столик у тёмного стекла 9
ЧАСТЬ II. КОЛОКОЛЬЧИК И МАЯТНИК 10
Глава 1. Счёт за надежду 10
Глава 2. Вкус домашнего покоя 11
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Степное небо

Эрнст Волков

© Эрнст Волков, 2026

ISBN 978-5-0071-8081-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СТЕПНОЕ НЕБО
психологический триллер
ЭРНСТ ВОЛКОВ

ЧАСТЬ I. ЯРМАРКА ОДИНОЧЕСТВА

Глава 1. Дождь за стеклом и рой чужих голосов

Октябрьский вечер выдался тяжёлым, набухшим влагой. За широкими панорамными окнами ресторана ночной город расплывался в темноте. По чёрным, чуть запотевшим стёклам медленно ползли косые дождевые нити, дробя в себе рубиновые огни стоп-сигналов и холодный неон вывесок далеко внизу.

Он стоял у самого края фуршетного стола, неспешно потягивая из тонкого бокала сухое белое вино. Вино было кислым, с привкусом мела, но он не морщился — лишь слегка приподнял бровь, словно оценивая очередную мелкую неловкость этого вечера.

Ему шёл тридцать девятый год. Невысокий, чуть полноватый, в хорошо сидящем тёмно-синем пиджаке из мягкой шерсти, он обладал той убаюкивающей внешностью человека, которому хочется доверить и тайну, и место у камина в своём доме. Ухоженные руки, мягкий прищур тёмных глаз, неторопливые движения — всё в нём дышало спокойствием человека, давно разобравшегося с жизнью и никуда не спешащего.

Попал он сюда почти случайно — старый приятель, устав слушать его ироничные рассуждения о современном одиночестве, сунул в руки пригласительный билет со словами: «Сходи, развеешься. Посмотришь на живых людей вместо своих книг». Он усмехнулся, но билет взял.

На левом лацкане его пиджака белел прямоугольник картонного бейджа, на котором каллиграфическим почерком организаторов было выведено: «Роберт».

Зал постепенно наполнялся. В воздухе, пахнувшем воском свечей, мокрым драпом и десятком перемешанных женских духов, стоял густой гул — точно в растревоженном улье. Люди толпились у закусок, нервно смеялись, поправляли причёски и пытались казаться легче и успешнее, чем были на самом деле.

Роберт прикрыл глаза, прислушиваясь к этому многоголосому рою. Обрывки чужих разговоров выныривали из гула и тут же тонули в нём снова:

— «…рынки откровенно перегреты, я им ещё в августе говорил…»

— «…а она лапкой так — раз! Ну разве котята не чудо?..»

— «…цены на золото снова ползут вверх, вкладываться надо в металл…»

— «…репетиторы нынче неподъёмные, дети только и требуют денег…»

— «…да, сегодня на окраине нашли очередную жертву, полиция с ног сбилась…»

— «…в зоопарке, представляете, родился жираф! Такой длинноногий, смешной, надо в воскресенье сходить…»

Роберт едва заметно усмехнулся в бокал.

Как удивительно устроен этот город, — подумал он, глядя на чёрное, исчерченное дождём стекло. Смерть, золото, жирафы и котята свалены в одну тёплую, душную кучу. Никто никого не слышит. Каждый говорит только о своём, бросая слова в воздух, как монетки в колодец, и надеясь услышать в ответ хоть какой-то звон.

Он перевёл взгляд на ряды маленьких столиков на двоих, расставленных вдоль панорамных окон. На каждом столике горела настольная лампа и лежала картонная табличка с номером. Всё это напоминало ему не поиск любви, а скучный аукцион потрёпанных надежд.

— И это называется фуршет? Одни сухари да трава, — раздался рядом тяжёлый, недовольный голос, пахнущий лаком для волос и обидой на весь мир.

К столу, тяжело ступая, подошла крупная женщина в строгом костюме, с поджатыми губами и тем выражением лица, с каким обычно проверяют сдачу на рынке. Она брезгливо ткнула шпажкой в канапе и бросила на Роберта оценивающий, строгий взгляд.

Роберт вежливо склонил голову и чуть отступил в сторону, уступая ей место у тарелок. Смотр человеческих иллюзий вступал в свои права.

Глава 2. Осколки большого города

Крупная дама взяла канапе с лососем, критически осмотрела его со всех сторон, словно подозревала в подделке, и отправила в рот.

— Вот всегда так, — пробурчала она, обращаясь скорее к пространству, чем к Роберту, но явно ожидая, что он поддержит её негодование. — Заплатишь за вход, а на столах — слёзы. И контингент, я смотрю, соответствующий. Нормальных мужчин нынче днём с огнём не сыщешь — одни маменькины сынки да алиментщики. Вы, я надеюсь, не из этих?

— Из тех, кто предпочитает сухое вино канапе, — улыбнулся Роберт, чуть приподняв бокал. — В остальном — чистый лист.

Дама фыркнула, сочтя ответ недостаточно серьёзным, и тяжело удалилась вдоль столов, инспектируя зал.

Роберт отошёл к высокой колонне. В зале собралось человек двадцать — как раз столько, чтобы создать иллюзию оживления, но не скрыть всеобщую растерянность. В этой камерной пестроте Роберт ловил себя на странном, давно забытом чувстве. За внешней иронией и скепсисом в самой глубине его души всё ещё теплилась упрямая, почти детская надежда: а вдруг среди этих случайных лиц мелькнёт та самая, единственная, способная понять его с полуслова и спасти от глухого, медленного одиночества?

Он скользнул взглядом по гостям. У самого входа неподвижно стоял худой мужчина в мешковатом сером пиджаке. Он не суетился, как другие, а держался тяжело, сгорбившись, спрятав одну руку глубоко в карман, и исподлобья сверлил зал немигающим, колючим взглядом, от которого стоявшие рядом инстинктивно отодвигались подальше. «Готовый персонаж для криминальной хроники», — отметил про себя Роберт.

Чуть левее полноватая женщина с добрым, румяным лицом увлечённо рассказывала соседке, как правильно запекать утку с яблоками, чтобы корочка хрустела, а мясо таяло во рту. Голос у неё был певучий, домашний — от него веяло тёплой кухней и воскресным покоем.

Двери зала снова распахнулись, и в помещение вошла женщина, мгновенно приковавшая к себе взгляды мужчин.

На вид ей было около сорока лет, и она держалась с вызывающей, чуть нарочитой смелостью, хотя лёгкая паутинка морщин и затаённая усталость в глазах выдавали прожитые годы. Облегающее платье цвета спелой вишни подчёркивало пышную фигуру; верхний вырез целомудренно прикрывал плечи, но из-под тёмного шёлка у самой ключицы интригующе выглядывал край сложной, витиеватой татуировки. На груди красовался бейдж: «Екатерина». Она звонко рассмеялась шутке администратора, но улыбка погасла слишком быстро — в ней читалась наивная, отчаянная тоска женщины, уставшей возвращаться в пустую квартиру.

— Эффектно, но слишком громко, — тихо пробормотал Роберт.

И почти в ту же секунду из дальних дверей бесшумно появилась другая женщина.

Ей было чуть за тридцать; тёмно-синее закрытое платье с белым воротничком сидело на ней строго, подчёркивая хрупкую линию плеч. На бейдже значилось: «Диана». Она не озиралась по сторонам и не пыталась понравиться.

Когда она проходила мимо колонны, свет лампы упал ей на лицо. Роберт на миг задержал дыхание: у неё были удивительные серо-голубые глаза. Сейчас, в полутени зала, они казались почти бесцветными, прозрачными, как тонкий осенний лёд, но в их глубине угадывалась тихая, упрямая сила.

Роберт поставил пустой бокал на поднос проходящего официанта. Вечер неожиданно обрёл смысл.

Глава 3. Столик у тёмного стекла

Серебряный звон колокольчика разрезал густой гул зала. К небольшой импровизированной сцене вышел молодой ведущий в клетчатом пиджаке, сияющий той профессиональной бодростью, от которой у уставших людей обычно начинает болеть голова.

— Друзья, прошу внимания! — объявил он в микрофон. — Наш вечер начинается. Правила просты: джентльмены занимают столики согласно номерам на карточках, а прекрасные дамы каждые семь минут пересаживаются по часовой стрелке. Не забудьте отмечать симпатии в ваших бланках!

Роберт оставил бокал на краю фуршетного стола и неспешно прошёл вдоль ряда мест. Его столик — седьмой по счёту — был расположен вплотную к высокому панорамному окну.

Он опустился в мягкое полукресло и осмотрелся. Круглый столик был накрыт плотной скатертью цвета слоновой кости. В центре стояла миниатюрная настольная лампа под тёплым тканевым абажуром; она разливала вокруг мягкий, медовый свет, выхватывая из полумрака два стакана с водой и картонный бланк с карандашом. Справа тёмной стеной стояло стекло: по нему всё так же ползли дождевые капли, и в чёрной пустоте за окном смутно отражалось собственное лицо Роберта — спокойное, чуть ироничное, с мягкой полуулыбкой.

«Что ж, место в первом ряду», — подумал он, поправляя манжеты пиджака.

По соседству, за шестым столиком, уже устроился неприметный офисный клерк в узком синем галстуке, тут же уткнувшийся в экран телефона. А ещё через один стол, за пятым, неподвижно замер тот самый мрачный мужчина в мешковатом пиджаке. Он сидел так же, спрятав одну руку глубоко в карман, и исподлобья, не отрывая глаз, сверлил взглядом зал. От одного его вида по спине пробегал неприятный холодок.

Роберт перевёл взгляд на проход. К его столику, тяжело ступая и поправляя строгий жакет, направлялась первая собеседница — крупная дама с фуршета. За ней следом, насколько он мог видеть, сидели: румяная любительница утки с яблоками, яркая Катя и, замыкая этот круг, молчаливая Диана.

Колокольчик звякнул снова. Первые семь минут пошли.

ЧАСТЬ II. КОЛОКОЛЬЧИК И МАЯТНИК

Глава 1. Счёт за надежду

Она опустилась в полукресло напротив с таким тяжёлым вздохом, словно перед этим разгрузила вагон угля, а теперь снизошла до аудиенции. Тёмно-серый пиджак сидел на ней как броня; массивные золотые серьги поблёскивали в свете настольной лампы.

— Тамара, — отчеканила она, даже не взглянув на свой бейдж. — Сразу к делу, я не люблю тратить время на пустую болтовню. Нам не по восемнадцать лет.

— Роберт, — примирительно отозвался он, слегка наклонив голову и сложив ухоженные руки на краю стола. — Приятно познакомиться, Тамара. И, признаться, я восхищён вашей решительностью.

Она прищурилась, явно пытаясь уловить в его тоне насмешку, но лицо Роберта излучало такое безмятежное дружелюбие, что придраться было не к чему.

— Решительность в наше время — единственное, что спасает от инфантилов, — сухо произнесла Тамара и достала из крошечной сумочки серебристую ручку, положив её рядом с бланком. — Итак. Чем занимаетесь? Недвижимость своя или в ипотеке? Машина есть?

— Занимаюсь тишиной и чужими мыслями, — с лёгкой полуулыбкой ответил Роберт. — А если прозаичнее — консультирую частные архивы и редкие библиотеки. Квартира своя, старая, с высокими потолками и скрипучим паркетом. Машины нет — предпочитаю ходить пешком, особенно в дождь.

Тамара поджала губы так туго, что они превратились в тонкую нитку.

— Библиотеки, значит. Понятно. Бюджетник, по сути. А на что, простите, семью содержать собираетесь? На старые книжки? Вон, за соседним столиком сидит мужчина — сразу видно, при деле, часы швейцарские, костюм с иголочки. А вы пришли сюда, видимо, просто поболтать от скуки.

— Отнюдь, Тамара, — Роберт чуть подался вперёд, понизив голос до доверительного бархата. — Я пришёл посмотреть, осталась ли в этом городе хоть одна женщина, которая спросит меня не о квадратных метрах, а о том, какие сны мне снятся по ночам. Но, боюсь, с моими снами на ипотеку не накопишь.

Женщина смерила его тяжёлым, презрительным взглядом, словно некондиционный товар на витрине, и демонстративно перечеркнула пустую графу в своём бланке.

— Сны — это для бездельников, — отрезала она. — Мне нужен мужчина с твёрдой почвой под ногами, а не поэт с пустыми карманами.

— Вы совершенно правы, — с искренним сочувствием вздохнул Роберт. — Поэты нынче убыточны. Зато с нами не скучно молчать у окна.

Тамара хотела ещё что-то добавить, но серебряный звон колокольчика оборвал её на полуслове. Она с достоинством поднялась, одёрнула жакет и, не прощаясь, двинулась к следующему столику.

Роберт усмехнулся, глядя в своё отражение на тёмном стекле, а на освободившийся стул уже опускалась новая гостья — та самая румяная женщина с фуршета, от которой пахло корицей и домашним уютом.

Глава 2. Вкус домашнего покоя

На стул напротив опустилась румяная, уютная женщина с приветливой улыбкой. Вместе с ней к столику у панорамного окна приплыл тёплый, совершенно не ресторанный запах ванили, печёных яблок и хорошего домашнего мыла.

— Здравствуйте, — певуче произнесла она, аккуратно разглаживая ладонями складки светло-бежевой юбки. — Меня зовут Анна. Ох, какая суета сегодня, правда? Я прямо запыхалась бегать от стола к столу.

— Добрый вечер, Анна, — с искренней теплотой отозвался Роберт. После колючей Тамары присутствие этой женщины действовало как тёплый плед в сырую погоду. — Признаюсь, вы принесли с собой невероятный уют. У меня ощущение, будто мы сидим не в центре шумного города, а на веранде старой дачи, где вот-вот закипит самовар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.